

В О С П О М И Н А Н И Я

Н. Матин

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ В ИНОСТРАННОМ ЛЕГИОНЕ В АЛЖИРЕ, ТУНИСЕ И СИРИИ

Вводная статья, подготовка текста

и комментарии С.С. Ипполитова Иностраннный легион... Долгие годы эти слова были окружены в сознании людей загадочным ореолом романтики; будили в воображении видения жестоких битв “цивилизованных” французских солдат с “дики-ми” арабскими и африканскими племенами; видения бескрайних песков Марокко и Сирии, покоряемых мужественными легионерами; джунглей Нигера и Сенегала, в которых местным племенам французскими штыками насаждались “европейские ценности”...

Французский Иностраннный легион — наемные военные формирования Франции, с 1831 года использовавшиеся для подавления восстаний в колониях и антиправительственных выступлений в самой метрополии. Деклассированные элементы в самой Франции; наемники со всего мира, ищущие возможность заработать деньги с оружием в руках; а иногда и просто откровенные уголовники, у которых на вербовочных пунктах никто не спрашивал удостоверения личности, а в контракт вносилось любое имя, названное будущим легионером, составляли основу Иностранного легиона.

Памятной для десятков тысяч русских людей осенью 1920 года, когда пал последний оплот организованного Белого движения на юге России - Крым, и когда флотилия российских кораблей, катеров, барж и прочих плавучих средств встала на якорь в бухте Константинополя, доставив на своих бортах сотни тысяч русских людей, обреченных с этого момента и на многие годы вперед именоваться эмигрантами, французское военное командование, неожиданно для себя, получило возможность пополнить состав Иностранного легиона высокопрофессиональными кадрами.

Положение российских эмигрантов на берегах Босфора было катастрофическим. Голод, осенняя сырость и холод, болезни и непроходящая тоска по родине были неизменными спутниками изгнанников. Осложнял положение беженцев и жилищный кризис, многим приходилось ночевать прямо на улице из-за непосильных цен на жилье. Частично спасала положение ночлежка, устроенная в бывших турецких казармах Мак-Магон и представлявшая собой “огромный зал, освещенный тремя пятисвечевыми электрическими лампами. Грязное, десятки лет не ремонтировавшееся помещение, кое-где с потолка льется вода, выбитые и заклеенные картоном окна, грязный и изъеденный крысами с зияющими дырами пол. Наконец, посередине и вдоль стен сплошные деревянные нары с тучами клопов и вшей”.¹

Намного тяжелее складывалась ситуация в беженских и военных лагерях. Помимо “обычных” проблем с питанием, жильем и нищетой, в лагерях часто вспыхивали эпидемии, уносившие жизни многих и многих. Так, в Чилингорском лагере вспыхнула эпидемия азиатской холеры, приводившей к смертельному исходу в течение суток. Ситуация осложнялась тем, что недалеко от Чилингира находилось озеро Деркос, которое питало водой Константинополь. Холера легко могла проникнуть в озерную воду и передаться по водопроводу в столицу.

Чтобы изолировать очаг холеры и предохранить Константинополь, оккупационные французские, английские и итальянские власти объявили Чилингорский лагерь в карантине и отрезали его от всего мира цепью часовых. Французы не позволяли вывозить в Константинополь тяжело больных, которые в Чилингоре обрекались на смерть, поскольку в лагере не было ни помещения под лазарет, ни лекарств, ни инструментов. Барак, приспособленный под лечебное заведение, представлял собой “сырой каменный ящик, в котором валяются сотни заживо съедаемых вшами людей. Один в корчах умирает от холеры, рядом с ним корчится в последних муках роженица. Эпилептик судорожно бьет ногами по полу, задевая распухшие конечности ревматика, который неистово воет; плач и скрежет зубовой. Бывает, что пятеро умирают в день”.² Люди гибли и гибли. Хоронили в одной могиле всех, кто умирал за день. Кресты вначале ставили, потом перестали, так как их в первую же ночь воровали на дрова.

Лагерь Чаталджа находился в окрестностях Константинополя и представлял собой голое открытое место. По периметру лагеря

были установлены ряды круглых французских палаток — марабу, в которых по восемь человек размещались солдаты и казаки. Опасаясь бунта голодных русских солдат в непосредственной близости от столицы, французское командование на первых порах снабжало их продовольственными пайками. Но ежедневно и ежечасно французы давали понять, что русские на берегах Босфора — лишь никому ненужные приживальцы.

Жизнь в лагерях была сопряжена с выполнением тяжелых работ по нарядам и моральными унижениями, которым попавшие в лагерь подвергались как со стороны охраны, так и русских комендантов и их помощников.

Лагеря были построены наспех и не рассчитаны на длительное использование; в них зачастую не хватало самого необходимого. Например, один из них — Бернадотт — представлял собой “пустынную местность... Кое-как наспех полуотремонтированные деревянные бараки. Палатки, большие американские и круглые французские — марабу; свыше тысячи беженцев, скудность в бараках и палатках превосходит всякую возможность, пресной воды нет, за ней надо ходить в город...” Такие условия деформировали человеческие отношения. Несмотря на запрещение комендантов, беженцы, назначенные в наряд, нередко посылали вместо себя детей. При этом, если женщины в освободившееся время занимались домашним хозяйством, то мужчины тратили его на карты, выпивку, политические “дискуссии” с мордобоем и обсуждение слухов (“пластинок”, по местной терминологии).³

Естественно, что люди пытались всеми возможными способами вырваться из этого ада. Положение гражданских беженцев было, более или менее, определенным: им помогали русские общественные организации, международные и иностранные благотворительные фонды, военное командование союзников. Ситуация в русских военных лагерях была намного драматичнее. Внешние атрибуты воинского коллектива лишь подчеркивали нищету, царившую в константинопольских лагерях. Прогрессировало разложение армии; частые факты мародерства вызывали возмущение местного населения; нарастало внутреннее недовольство в армейской среде.

В этой ситуации подписание контракта с французским командованием на пятилетнюю службу в Иностранном легионе становилось для многих едва ли не единственным способом ра-

зорвать тот порочный круг нищеты и бесправия, который сомкнулся вокруг русской армии в эмиграции.

Другие возможные выходы из константинопольского изгнания для русских солдат и офицеров очень часто были недоступны. Репатриация, начавшаяся уже через несколько месяцев после прибытия российских беженцев на Босфор, сулила многим из них заключение или быструю смерть сразу же по прибытии в советский Крым. Возвращаться на родину решались только те, кто оказался в эмиграции под влиянием массовых настроений и не вполне оправданного страха перед большевиками, не слишком “навредив” последним в ходе гражданской войны и по этой причине рассчитывавших на снисхождение. Прочим, остававшимся в лагерях, предлагалось, на выбор, либо снять форму и перейти на беженское положение, добывая себе хлеб насущный низкоквалифицированным трудом; либо отправиться в Южную Америку, Мексику, Перу и другие слаборазвитые страны осваивать земельные колонии в их самых отдаленных районах.

Однако не только, и не столько материальные тяготы беженского статуса удерживали русских солдат от расставания с умиравшей на Босфоре армией. Боязнь оказаться вне воинского коллектива, столь знакомого и понятного, спаянного долгими годами войны, победами и поражениями, с его простой логикой приказа и подчинения, – вот в чем состояла истинная причина их нежелания снимать военную форму. Предложенная французами альтернатива казалась в тот момент времени наиболее приемлемой: военная служба, – да, не в России; да, не на благо своего отечества, но зато по привычным и понятным законам воинского коллектива, вдали от унижительных беженских лагерей Турции, привлекала к себе многих русских солдат и офицеров.

Были и те, кто лелеял надежду использовать службу в Иностранном легионе для того, чтобы с его помощью перебраться “на материк”, и, дезертировав, остаться жить во Франции.

Николай Келин, русский казак-эмигрант, вспоминал:

“При приезде на Лемнос меня ни на минуту не оставляла упорная мысль смыться из этой пустыни и продолжить учебу или устроиться на материке рабочим И вот в лагере прошел слух и, кажется, даже появилось объявление военного губернатора острова генерала Бруссо, что при Оккупационном корпусе в Константинополе открывается школа сержантов Иностранного легиона, куда принимаются офицеры, преимущественно артил-

леристы, хоть немного владеющие французским языком. Я решил записаться в эту школу. Конечно, у меня и в мыслях не было попасть на убой в Африку. Думал так: запишусь, школа в Константинополе, откуда обещают перевезти во Францию. Значит, попаду на материк – уйду с этого проклятого острова, а там много широких дорог!”

Однако надежды русского офицера не оправдались: “Получив документы, я переселился в одну из палаток, которые нам французы дали с расчетом на 50 человек... Затем французское начальство приставило к нам черных сержантов, которые ежедневно обучали нас перебежкам, ползанию на брюхе, пулеметному делу. Было странным видеть, как казачьи офицеры послушно ползали под гортанную команду губастых черномазых марокканцев. Но выхода не было.”⁴

Происходила вербовка из числа русских эмигрантов в Иностраннный легион и в самой Франции. Французское правительство нуждалось в регулярном пополнении Иностранного легиона, которое происходило как раз за счет людей, имевших военный опыт и, одновременно, не имевших средств к существованию. Таким требованиям в полной мере отвечали русские эмигранты из офицерской среды. Некоторым из них предоставлялось французское подданство и тяжелейшая служба в африканских колониях — Бельгийском Конго (Алжире)⁵, Марокко или других подобных местах, для которых не находилось добровольцев-французов.

Для многих русских офицеров служба в Иностранном легионе становилась альтернативой голодной смерти или самоубийству. Социальная адаптация этой категории эмигрантов, выходцев из среды кадровых военных, да и просто людей, многие годы проведенных в состоянии войны, была крайне затруднена. С одной стороны, мало кому из них удавалось сохранить гражданские, “прикладные”, специальности, которые могли оказаться востребованными в условиях эмиграции. Но эта причина не являлась основной, — наибольшие трудности представляла психологическая адаптация. Целый комплекс психологических, нравственных, духовных, интеллектуальных проблем ставил человека на грань душевного срыва, зачастую приводя к распаду личности или самоубийству. Среди психологических факторов, оказывавших наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских эмигрантов, были чувство утраты и тоски по родине, понижение социального статуса, языковой барьер, разрыв

родственных связей, социальная не востребованность личности в чужом обществе, невозможность интеллектуальной и профессиональной самореализации. Повышенное воздействие названных причин на эмигрантскую массу было обусловлено, главным образом, ее социальным составом. В большинстве своем, российские эмигранты были выходцами из интеллигентской, предпринимательской или военной среды.⁶ Эти факторы делали самоубийства русских беженцев достаточно распространенным явлением. В русскоязычной эмигрантской прессе не были редкостью объявления о добровольном уходе из жизни русских офицеров, не сумевших, или не захотевших, сломать свою душевную организацию ради достижения относительного материального благополучия в изгнании.

Так, русский морской офицер Борис Панфилов застрелился в номере Отель-де-Петроград, снятом им на одну ночь. В 22 года, сразу после производства в мичманы, Панфилов вынужден был бежать из России в Марсель, где работал портовым грузчиком, а позже переехал в Сен-Лоран-де-Вар, где поступил на службу лакеем в богатую семью некоего Папиало. В посмертной записке молодой офицер написал, что больше был не в состоянии выносить моральные унижения, и по этой причине покончил с жизнью.⁷

По этим причинам служба во французском Иностранном легионе становилась для российских эмигрантов одной из форм социальной адаптации к условиям изгнания, позволявшей им заработать средства к существованию, одновременно приобретая определенный, более высокий по сравнению с остальной эмигрантской массой, социальный статус в чуждом им обществе.

Условия, в которых происходила вербовка русских беженцев во французский Иностраннный легион, больше напоминали продажу в рабство. Кандидатам предлагалось поставить свою подпись под контрактом, в котором были пробелы в тех местах, где оговаривались сроки службы и оплата. Так, например, попал на французскую военную службу 14-ти летний русский юноша — в течении двух суток его продержали в полицейском участке в Марселе без еды, после чего предложили подписать подобный контракт. Спустя некоторое время он уже был в составе Иностранного легиона в Африке, где его ожидала пятилетняя служба за нищенское вознаграждение.

Французские военные власти шли и на прямой обман, рекламируя службу во французской армии и обещая 160 фран-

ков в месяц и единовременное вознаграждение по окончании службы в размере 4 тысяч. На самом деле, русские легионеры за каторжную работу в колониях получали не более 75 сантимов в день, что с трудом могло обеспечить полуголодное существование.

Условия службы были действительно каторжными. Письма русских легионеров в общественные организации содержали красноречивые описания их положения: "...только что пришел с каторжной работы, копал киркой от 6 часов утра до 12 часов дня... После обеда с 3-х до 6-ти — то же занятие... и все это не взирая на жару и усталость... Отношение к нам, русским, самое ужасное."⁸

В то же время, русские легионеры считались наиболее "дисциплинированной и боеспособной, и наиболее ценимой частью" состава Иностранного легиона. "На долю русских легионеров выпала тяжесть борьбы с рифлянами, кабиллами, туарегами, друзами и другими восставшими племенами в период 1925-1927 гг. В раскаленных песках Марокко, на каменистых кряжах Сирии и Ливана, в душных ущельях Индокитая — всюду рассеяны русские кости..."⁹

Дезертирство из Иностранного легиона являлось довольно распространенным делом, особенно в среде свободолюбивых российских казаков. Однако этот поступок жестоко преследовался французскими властями. В виновному грозило тюремное заключение на срок до пяти лет и последующая высылка из Франции.¹⁰ Помимо этих наказаний, дезертир должен был после окончания тюремного срока продолжить службу в легионе, получая в два раза меньшее жалование по сравнению с остальными легионерами.¹¹

В то же время, русские легионеры, отслужившие установленный контрактом срок, получали определенные льготы при устройстве на работу во Франции. Считалось, что эти люди побывали на государственной службе и принесли общественную пользу. Это обстоятельство выделяло их из общей массы русских беженцев. Однако и в названном случае получение работы не было гарантированным: русскому легионеру, окончившему службу, необходимо было получить так называемый *сертификат* от будущего работодателя, в котором была бы оговорена заинтересованность последнего в найме дополнительной рабочей силы.¹²

Предлагаемые вниманию читателя воспоминания легионера Николая Матина, кадрового офицера русской армии, волею судьбы оказавшегося в рядах французского Иностранного легиона, наполнены драматическими описаниями повседневной жизни, лишений, страданий и борьбы, выпавшими на долю этого мужественного человека, сумевшего даже в условиях каждодневного ада сохранить свою душу и преданность далекой Родине.

Рукопись хранится в ГА РФ (Ф.5881.Оп.1.Д.386.). Текст печатается полностью, с незначительной редакторской правкой. В подстрочнике даны примечания автора.

Я — офицер Русского войска. Меня знает слишком много офицеров, вплоть до высших, чтобы мои очерки о русских в Иностранном легионе могли возбудить сомнение в правдивости всего того, что каждый русский, быть может, когда-нибудь прочтет.

Легион — особый мир. Особое “государство”. Со своим правовым порядком, отличным от всякого другого, со своими подвигами и “преступлениями”, о которых мало кто знает. Вот этому особому миру и жизни в нем многих сотен русских посвящаются мои очерки.

В конце декабря 1920 г. я стал легионером. С середины 1921 г. я в 1-м кавалерийском полку Иностранного легиона. С этим полком, с этой своеобразной “семьей”, я пробыл до марта текущего 1927 г.

Шесть лет и два месяца. И в эти две с лишним тысячи дней: карьера (до brigadier), бои (после каждого - несколько свежих русских могил), дезертирство, каторжные работы в свинцовых рудниках, снова легион и, наконец, после тяжелого ранения — освобождение и... 44 франка пенсии.

В конце декабря 1920 г. наша партия в количестве 62 человек, преимущественно казаков, погрузились на один из коммерческих французских пароходов в Константинополе и мы, не за-

держиваясь, отправились к будущему месту нашего служения – в Африку.

Не буду описывать нашего душевного состояния, так как, вероятно, каждый испытал то же, что испытали мы, когда покидали родные края на долгое время. Одно, что успокаивало нас, это то, что мы едем в Африку, где будем иметь возможность видеть на свободе диких зверей и даже охотиться на них; иначе мы не представляли себе службу в Иностранном легионе. Да и сами французы говорили нам, что наши обязанности будут состоять исключительно из охраны караванов и защиты жителей от диких зверей.

Восьмидневное путешествие на пароходе было сравнительно спокойным, за исключением сильной качки, которую пришлось перенести около Порт-Саида. Кормили очень хорошо, но денег не давали, хотя и было обещано выдать нам аванс в счет 500 франков премии, полагаемых по контракту. На восьмой день мы приехали в Марсель – главный распределительный пункт. Уже при въезде нашем во французские воды отношение к нам со стороны французского начальства заметно ухудшилось. В Марселе нас ожидала уже французская военная команда, под конвоем кой мы были препровождены в знаменитую крепость Сан-Жане.

В крепости в тот же день произошло первое столкновение с французами: не дав нам отдохнуть после дороги, нас с места заставили подметать и белить крепость. По просьбе казаков я как немного знающий французский язык пошел к сержанту и больше жестами, чем языком, объяснил ему, что мы устали и хотим отдохнуть, на что он в резкой форме заявил, что мы не должны забывать, что находимся на французской военной службе и неповиновение повлечет за собой строгое наказание. После передачи казакам слов сержанта, мы решили на работу не идти, за что я и еще четыре казака (офицеры) немедленно были арестованы и посажены в prison¹³ (карцер). Таким образом французы дали понять, что мы продали себя за 500 франков и какого бы то ни было права голоса не имеем.

В Марселе нас держали как арестантов, кормили уже не так, как на пароходе, и абсолютно никуда из крепости не выпускали. Таким образом нас держали четыре дня. На пятый день мы погрузились на пароход и поехали в Оран – порт в Северной Африке. В Орানে под сильным жандармским конвоем мы погрузились в поезд и отправились в главный штаб и распределитель-

ный пункт в городе Сиди-Бель-Аббес. Настроение заметно сильно упало у всех; почти всю дорогу молчали и только изредка делали замечания, что мы подписали контракт, не зная какой, и что французы своих обещаний не держат. Обещали же очень много, а именно: на всем готовом, жалование – 150 франков, премия – 500 франков и по окончании контракта получаем по 5 000 франков. Самое же главное – это условия жизни: охота, охрана, легкие занятия и все. Но были обмануты во всем, кроме премии, которую мы получили: 250 франков по приезде и 250 франков через четыре месяца.

По приезде в Сиди-Бель-Аббес мы были разбиты по взводам, но оставлены в одной роте. Конечно, начались расспросы, как и что, и вскоре мы узнали от казаков, приехавших на две недели раньше нас, что французы нас обманули: жалование получают только 25 сантимов в день, “охоты” дожидаются уже две недели и отношение со стороны французов очень скверное, в особенности к офицерам. Все-таки не хотелось верить и думали, что это только временно, что впоследствии будет хорошо, но, к сожалению, улучшения жизни пришлось ждать в течение всей службы, но напрасно.

На другой день нас повели на медицинский осмотр. После осмотра в течение всего дня нам дали отдых. Дальше пошли занятия и всевозможные работы изо дня в день. Такая жизнь продолжалась в течение шести месяцев. Через шесть месяцев французы начали формировать кавалерийский полк, кадрами которого были большинство казаков, в том числе и я. Полк формировался в Тунисе в городе Сус. Эскадрон, где находился я, был отправлен в небольшой арабский городок Гавсу, расположенный недалеко от Сахары¹⁴ и итальянской границы Триполитании.¹⁵

Там при колоссально высокой температуре мы несли сторожевую службу и своим чередом велись занятия. Непривычные к такому жаркому климату, многие заболели. Служба с каждым днем становилась все тяжелее и среди нас началось массовое дезертирство. Бежали по два - три человека; бежали, сами не зная куда, лишь бы уйти. Правда, многим удавалось скрываться по несколько недель, и даже были случаи, что переходили границу, но это было очень редко. В большинстве же случаев их ловили, отдавали под суд, а дальше, в лучшем случае, сидка в тюрьме от 6-ти месяцев с принудительными работами, без зачета срока службы. Мне тоже довелось побывать на

каторжных работах в течение 14-ти месяцев, хотя был приговорен к 3-м годам, но, благодаря амнистии, сидеть весь срок не пришлось. Об этом я напишу после более подробно, так как само дезертирство имело иной характер, и процедура французского военного суда очень интересна, что займет много времени.

Помню, был такой случай: я был в карауле, расположенном на границе Сахары. Пост от поста находился на расстоянии 7 км. Регулярно от каждого поста высылались по одному человеку друг другу навстречу. Таким образом, приходилось проходить по 3,5 км каждому до места встречи. Была моя очередь. Взяв карабин, я отправился в дорогу. Пройдя около километра, я увидел, что через мой путь движется какое-то чудовище. Первая моя мысль была, что это крокодил. Откровенно говоря, я струсил и даже основательно. Пройдя еще несколько шагов, я убедился, что зверь меня не боится, и, даже наоборот, остановился, как бы разглядывая меня. Не раздумывая долго, я повернул назад на свой пост и заявил начальнику поста, что не могу идти, так как на дороге крокодил. Сейчас же весь пост, во главе с начальником поста, пошли к тому месту и нашли там зверя. Бригадир Штилинг (начальник поста) подошел к зверю, очень долго его рассматривал, на что зверь не протестовал, так как, благодаря глубокому песку, с трудом мог двигаться, потом снял баскет¹⁶ и приколот "крокодила". Оказалось, что это самая простая сахарская ящерица¹⁷ длиной в 1 м 60 см, и, к тому же, очень съедобная. Несмотря на то, что я тоже принимал участие в трапезе этой ящерицы, мне все-таки пришлось отсидеть в призоне 15 дней за самовольное возвращение на пост. Наказание было слишком суровым, и вот тогда-то у меня зародилась мысль бежать, но бежать не так, как другие, а более основательно и наверняка, даже если бы и пришлось поставить на карту жизнь.

Недостаток воды и пищи – явление в легионе обыкновенное, но в моей голове не вмещалось, как французы – такие культурные люди, - могут так нагло обманывать, тем более нас, русских, все-таки много сделавших для Франции. Слово "легионер" в переводе на местный - бандит. Не так давно, всего два-три года до приезда в легион русских (1920 г.), взгляд на легионера был таков: после занятий трубач выходил и сигналил особенным образом, извещая жителей, что легионеры идут "гулять", и все магазины закрывались. По приезде же русских отношение жителей резко изменилось к лучшему, и даже многие из нас стали бывать в частных семейных домах. Не знаю, с какой целью,

но французы всячески старались воспрепятствовать нашему сближению с жителями. Бывали случаи, когда французский офицер, завидев кого-либо из легионеров, гуляющего с гражданскими, начинал на него кричать на всю улицу, придравшись к чему-либо, и нередко приказывал вернуться обратно в казарму. Результат возвращения – призон.

Несколько слов хочу сказать о французских военных призонах: сажают в одиночную камеру размером 120 на 260 см. В камере стоит бетонная кровать без чего бы то ни было. Это вся обстановка. На ночь выдается половина простого солдатского одеяла. Утром получают кофу (1/7 литра) темной жидкости – “кофе” с сахаром. После кофе выстраивают всех арестованных и гонят на работы. Правда, работы попадаются иногда легкие, но при 70-градусной¹⁸ температуре вынести даже легкую нагрузку очень трудно. Работы продолжаются до обеда. Обед, если его можно так назвать, состоит из бульона, куска мяса и какого-нибудь легюма¹⁹ (разные виды овощей или макарон). Все это мешается вместе и прибавляется на три четверти литра всего содержимого три – четыре столовых ложки соли. Таким образом, вся эта бурда становится несъедобной; приходится выливать весь бульон, затем промывать холодной водой, которая дается раз в день, и есть остаток. После “сытного обеда” опять выстраивают на так называемую “гимнастику”: дают вещевой мешок, который наполняется камнями, и вот с этим мешком приходится сначала маршировать, потом бегать, потом опять маршировать. Команда “стой” и сразу же “couchez-vous” (ложись), “debou” (вставай) и так без перерыва раз двадцать – сорок (зависит от дежурного маршала²⁰). Большинство изнемогает и уже после четвертого – пятого раза не может подняться. Тяжесть камней – около 35 кг. Безусловно, от такой “полезной гимнастики” спины почти у всех разбиты до крови. Такая “гимнастика” продолжается полтора – два часа, а после опять работа до ужина, по качеству такого же, как обед. Мне самому несколько раз приходилось сидеть в призоне и все это испытать на себе. Мне бы очень хотелось, чтобы эти строки когда-нибудь попали на глаза какому-нибудь культурному французу.

Все это – виденное и испытанное нами – озлобляло нас. И вот, собравшись компанией в числе 27 человек, мы решили не бежать, а с оружием в руках и на конях пробиться через цепи гумов²¹, захватить баркас, хотя бы даже с боем, и обратиться в Триполитанию – итальянскую колонию. План был выработан,

патроны достали, и день “выступления” был назначен на 22 августа 1922 г.

Сколько волнений и хлопот пришлось пережить за это время в ожидании 22 августа! Но вот, наконец, наступил и этот день. В 5 час. 30 мин. утра эскадрон выступил на занятие. Компания наша была подобрана так, что мы были все вместе. Я как исполняющий должность взводного урядника повел взвод на занятия. Взвод состоял из 42 всадников; таким образом, мне предстояло под благовидным предлогом освободиться от тех 15 человек, которые не были посвящены в тайну заговора. Отделив эту группу, я приказал им идти в ближайшую арабскую деревню, расположенную в 3 км от нашего плацдарма, и ждать меня там, а я с остальными якобы отправлюсь на ближайшую жандармскую станцию для принятия от них восьмерых дезертировавших легионеров. Предлог был довольно глуп, но в тот момент от волнения, охватившего меня, я не смог придумать ничего более умного. Я ставил на карту свою жизнь, а также жизнь всех остальных.

Лишь только эти 15 человек скрылись с глаз, я приказал зарядить карабины и два выучных пулемета. Приказание было исполнено; мы сняли капо (шапки), перекрестились и двинулись в путь. Первую и вторую цепь гумов мы прошли благополучно. Но когда мы стали подходить к третьей цепи, несколько гумов отделились и вышли нам навстречу. Узнав от меня, что мы делаем маневры, они не поверили, так как, во-первых, такие маневры по направлению к границе никогда не проводились, и, во-вторых, им ничего об этом не известно. А поскольку в случае маневров об их проведении всегда сообщают жандармам, то они категорически потребовали, чтобы мы повернули назад. Видя, что мы очень долго разговариваем, другие гумы стали подходить к нам. Положение складывалось самое критическое и медлить было нельзя. Тогда я по-русски скомандовал “рысью – марш!” и моя группа, смяв гумов, тронулась.

Видя такую картину, гумы из револьверов дали несколько выстрелов, не причинив, однако, нам никакого вреда. Остальные гумы, услышав стрельбу, тоже открыли по нам стрельбу, но было уже поздно, так как мы успели ворваться в их цепь и открыли по ним убийственный огонь, результатом чего было шестнадцать убитых и несколько раненых (это я узнал только на суде). Гумы в панике бежали и мы совершенно беспрепятственно дошли до берега, обезоружили еще двоих гумов, охранявших

военный сторожевой баркас, оставили лошадей, погрузились и отчалили.

Не зная верного расположения этого проклятого залива, мы взяли прямое направление на Триполи.²² Около 30 км мы плыли благополучно и уже была видна на той стороне сторожевая будка, как почувствовали, что баркас на что-то наткнулся, прошел еще несколько метров и остановился. Мы сели на мель. Несмотря на пятичасовое наше общее усилие, мы ничего сделать не смогли, так как мель тянулась почти на 3 км, а до берега было километров 8 - 10.

За это время была организована погоня за нами. Зная, что мы пойдем прямым путем и должны будем обязательно сесть на мель, французская рота, вызванная из Медины (там стоял дисциплинарный батальон), догнала нас, и мы, после некоторых переговоров, сдались, так как французский офицер заявил, что, если мы не сдадимся, он прикажет нас уничтожить, и обещал никого не бить, а доставить нас прямо в штаб эскадрона, а оттуда – в штаб полка в Сусе. Весь эскадрон нас встречал и были слышны одобрительные возгласы, а некоторые ругались, почему мы им ничего об этом не сказали. В виду того, что мест в призо-не для всех не оказалось, нас отправили в местную тюрьму, где режим был значительно лучше.

В тюрьме мы пробыли десять дней, и на одиннадцатый день нас погнали в штаб полка. В течение почти месяца длилось следствие, и наконец нам объявили, что следствие закончено и мы отданы под военный суд. Положение сразу улучшилось: нам дали матрацы, одеяла и даже подушки. Разрешили курить. Вообще, мы перешли на привилегированное положение. Мы были совершенно освобождены от работ. Начались томительные дни в ожидании суда. Так продолжалось до 14 декабря 1922 г. Наконец, 14-го нам сообщили, что завтра нас отправляют в Тунис на суд. Целую ночь я провел в раздумьях и думал, чем все это кончится. Скажу откровенно: если бы в тот момент у меня была бы хоть малейшая возможность, я кончил бы жизнь самоубийством. Но под рукой не было абсолютно ничего.

15-го вечером нас погрузили на поезд, и под взорами любопытной толпы часовые прохаживались вдоль всего состава. Только за две – три минуты до отхода поезда наш вагон прицепили к составу. Наконец, поезд тронулся. Где-то на перроне закричали “Ура!” и вдруг запели нашу донскую песню “Черный ворон”. Это казаки провожали нас и никто из них и нас не был

уверен, что мы когда-нибудь вернемся. Некоторые из нас хотели посмотреть, быть может, последний раз в окно, но кандалы не дали возможности этого сделать. Многие из нас плакали.

В Тунисе нас разместили в военной тюрьме. Режим оказался не особенно строгим и нам даже дали возможность работать – шить мешки. За это два раза в неделю мы могли на заработанные деньги покупать себе хлеба и табаку. Но больше, чем один франк, заработать было нельзя; остальные же деньги пропадали.

В Тунисе мы ждали суда и вот, в феврале, мы предстали перед военным французским судом.

Многие держали себя очень спокойно, но некоторые волновались и больше всех – я, так как обвинение, главным образом, ложилось на меня. Чтение обвинительного акта продолжалось час с четвертью. Каково же было мое удивление, когда председатель суда прочел, что я являюсь главным ответчиком за убийство шестнадцати гумов. На меня напала сразу полная апатия. По окончании чтения обвинительного акта председатель суда предложил, почему-то только мне, выбрать себе двух казенных защитников, на что я категорически отказался, заявив, что буду защищаться, по силе возможности, сам. Откровенно говоря, я уже не верил французам, и решил сказать всю правду им в глаза.

Суд длился всего часа два. На вопрос председателя “Признаете ли себя виновным?” каждый отвечал: “Да”. Когда очередь дошла до меня, и на вопрос председателя, признаю ли я себя виновным, я заявил: “Нет, не признаю ни по одному пункту”. Удивление выразилось на лицах членов суда. Я сразу учел, что, если я скажу “да”, то этим “да” я подписываю себе приговор на 10 лет, а потому я решил идти ва-банк и этим, можно сказать, я спас себя от неминуемой гибели.

Я совершенно не слышал обвинительной речи военного прокурора, а всецело был поглощен тем, что я буду говорить. Наконец, очередь дошла до меня. К сожалению, я не настолько владел французским языком, чтобы мог сказать все то, что было у меня на душе. Но главную суть я высказал, правда, три раза председатель суда меня прерывал, говоря, чтобы я не забывался, но все-таки я сразу увидел, что председатель был уже на моей стороне. Когда вопрос коснулся офицерской чести, я привел пример, когда французский офицер, заведомо зная, что я такой же офицер, как и он, явно издевался надо мною: заставлял без передышки садиться на лошадь и слезать без седла 48 раз и, когда я изнемогал и не мог уже даже подпрыгнуть, то не француз-

ский офицер, а лошадь догадалась – нагнула голову и форменным образом вкатила меня на себя. Это был факт. Закончил я словами: “Мы, русские офицеры, потеряли обманным образом, попавши в легион, свою Родину, но честь мы не теряем, и смешно говорить о чести французскому офицеру, позорящему не только свою честь, но даже нацию такими поступками. Когда председатель говорит, что я оскорбляю честь французского мундира, я заявляю, что говорю в данном случае о том офицере, с которым мне пришлось столкнуться. На вопрос председателя, могу ли я назвать фамилию этого офицера, я охотно называю, добавляя, что этот офицер был одно время в России и пользовался гостеприимством России. И что мы, русские, слишком были наивны, видя во французах только союзников, а в Гражданскую войну, главным образом, во время эвакуации, смотрели как на спасителей”.

Моя ставка была выиграна: заметно было, что весь состав суда был на моей стороне. Из частной публики было только два офицера 4-го Спасского полка и двое русских: одна дама и инженер в качестве казенных переводчиков. Дама плакала. Инженер все время сморкался. Когда суд удалился, ко мне подошли офицеры Спасского полка и молча пожали мне руку. Через 40 минут суд вернулся и началось чтение приговора. Приговоры были довольно гуманными и на разные сроки, начиная от 6-ти месяцев и кончая годом тюремного заключения с принудительными работами. Я был приговорен к 3-м годам каторжных работ.

После, как я узнал, этот офицер вскоре после суда был переведен в один из Спасских кавалерийских полков.

Итак, моя судьба была решена. Три долгих года прожить среди арабов, большинство которых – уголовные арестанты. Ждать отправки к месту моей сидки пришлось недолго. На третий день партия в 12 человек, приговоренных больше, чем на год, в том числе и я, была посажена в вагон, и мы отправились в местечко Тубурсук в 120 км от Туниса.

Тубурсук – это каторжная тюрьма, предназначенная на 7 тыс. арестантов. В действительности же там было около 11 тыс. Тюрьма окружена со всех сторон непрерывной цепью совершенно голых гор. В горах находились свинцовые рудники, где мне приходилось работать.

Когда мы приехали в Тубурсук, погода стояла ужасная. Сильный ветер и холодный дождь, смешанный со снегом, били

прямо в лицо, так что идти было очень трудно, тем более потому, что мы были закованы в кандалы. Но французский сержант, сопровождавший нас, мало об этом беспокоился и, сидя на коне, подгонял нас резиновым стеклом. Нам предстояло пройти 8 км. Наконец, показались огоньки; еще полчаса - и мы у ворот тюрьмы. Часовой-араб, после разговора с сержантом, вызвал караульного начальника, и мы в сопровождении караульных арабов вошли в холодную полутемную комнату. Там с нас сняли кандалы, приказали раздеться догола. Когда все было исполнено, нас построили в одну шеренгу и голых, под сильным дождем и снегом, мелким шагом повели через весь двор в другое помещение, где находился совершенно холодный душ. Приняв душ, мы тем же порядком пошли в приготовленное для нас помещение. Это была длинная комната с кое-где выбитыми стеклами. На полу лежали доски и кое-где валялись обрывки одеял.

Каково же было мое удивление, когда в углу я услышал русскую брань. Я сейчас же подошел и заговорил с ругавшимся человеком. Он оказался чехом и прибыл двумя днями раньше нас с партией в 22 человека.

Нужно было держать карантин три дня. На другой день нам выдали белье и еще что-то вроде халата. От холода о сне и думать не приходилось, так что все эти три дня я провел в прогулке по комнате. На третий день я почувствовал себя нездоровым. Заявлять об этом было нельзя, так как на четвертый день бывает “медицинский осмотр” и только там можно заявить о своей болезни.

Настал день медицинского осмотра. К нам пришел доктор в шубе, обошел шеренгу и ничего не сказал и не спросил у нас, взял у сержанта какую-то книгу, подписал ее и собрался уходить. Тогда я заявил сержанту, что я болен. Он сказал об этом доктору. Военный доктор с искаженным от злобы лицом подошел ко мне и с такой силой ударил меня в грудь, что я чуть не упал. “Ah oui, il est fatigued!”, посадить его на “диету””. Затем повернулся и вышел. После осмотра нас повели в комнату-спальню, где мне пришлось прожить 14 месяцев за исключением 18-ти дней – тех, что я пробыл в тюремном лазарете. На другой день у меня был сильный жар, но на работу все же пришлось идти. Довольно с высокой температурой мне пришлось проработать два дня.

Работа очень тяжелая. Приходилось работать почти по колено в воде. Мне пришлось нагружать вагонетки. Я, ввиду моей

болезни, был очень слаб и еле поднимал лопату, даже пустую. На третий день моей работы утром я подняться уже не мог. Пинками в бок и дерганьем за уши сержант хотел заставить меня подняться, но я еле шевелил руками. Меня отправили в лазарет. Фельдшером в лазарете оказался тоже легионер – бельгиец, отбывавший наказание и побывавший в моей шкуре, - а потому он принял во мне большое участие. Температура – 40,3. Я оставлен в лазарете. Оказалось, что у меня было воспаление легких. В лазарете было немногим лучше. Единственно, что не приходилось работать, а пища та же самая, что и для здоровых. Восемнадцать тяжелых дней мне пришлось пролежать в лазарете. Меня выписали с температурой 37,5. Не дав ни одного дня отдыха, меня на другой же день вместе с другими погнали на работу. И опять то же... стоять в воде и нагрывать вагонетки.

Прошло 10 месяцев. Многие мои приятели были уже освобождены. Сердце щемило при одной мысли, что мне придется сидеть еще 26 месяцев. Но неожиданно разнесся слух будто бы об амнистии. Этими слухами жила вся каторга. Прошло еще два с половиной месяца, стали забывать об амнистии. Жизнь снова вошла в свою колею. Но опять заговорили о ней еще с большей верой и надеждой на освобождение. Ждали только приказа. И вот, в первых числах декабря 1923 г. (не помню, какой был праздник, - мы не работали) в нашу камеру вошел комендант тюрьмы. “Ғюг!”^{*23} и мы вытянулись в струнку. Комендант развернул лист и объявил, что президент Французской Республики амнистирует нас. Он начал читать амнистированных по фамилиям. Наконец, он назвал мою фамилию, подошел ко мне, взял за пуговицу моей арестантской куртки и сказал, что он имеет распоряжение от высшего начальства взять с меня слово в том, что я никогда не буду больше не только дезертировать, но даже и думать об этом. Мне страшно хотелось ударить по руке этого зверя коменданта – офицера французской армии, но я знал, чем это кончится. Я в вежливой форме ответил ему, что мне странно слышать это, тем более от французского офицера; я заявил ему, что считаю себя во французском Иностранном легионе пленником, а потому такого слова я дать ему не могу. Я знал, что это была его собственная выдумка.

11 декабря 1923 г. нас снова нарядили в военную форму и мы под конвоем отправились на станцию, чтобы грузиться и ехать в Тунис, а оттуда в Сус в штаб полка. В Тунисе я пробыл два дня и, наконец, со стальными наручниками меня отправили в сопро-

вождении двух жандармов в Сус. В Сусе на станции меня уже ждали мои товарищи. Они за свой счет наняли трех извозчиков. На одном сел я с жандармами, а на двух остальных расселись мои товарищи, и наша процессия двинулась в полк. В виду того, что встречавшие меня были под хмельком, то всю дорогу до самого полка пели песни.

Наконец, полк. Наручники сняты, и после некоторых формальностей я свободен. Сразу же из 17-го караульного помещения меня подхватили на руки и на руках – direction** в кантину²⁴. В этот вечер я был сильно пьян. На другой день мне предстояло явиться моему новому командиру эскадрона. Придя в эскадронную канцелярию, я явился командиру эскадрона и с места был назначен в виде отдыха объезжать и тренировать молодых лошадей.

Я очень скоро свыкся со своей новой должностью и “новой обстановкой”. Правда, первое время мне казалось как-то странно, что, когда я ложусь спать, двери за мной не закрываются на замки. Но это быстро прошло. За те пять месяцев, что мне пришлось быть на должности “дрессировщика”, нужно отдать справедливость, мне ни разу даже намеком не пришлось слышать, что я был на каторге. Служба моя шла как будто бы ничего не случилось.

Время шло, наступил май 1924 г. и начали готовиться к ежегодным маневрам. Меня вызвал командир эскадрона к себе и объявил, что он меня переводит в строй на старую должность, а после маневров, если я не буду ни в чем замешан, нашьет мне галуны бригадира. Подготовка к маневрам продолжалась десять дней. 11 мая мы выступили на маневры. Обыкновенно, маневры продолжаются месяц. В виду того, что маневры французской кавалерии довольно оригинальны, я хочу описать их более подробно. Возможно, что когда-нибудь мои заметки будут читать, я хотел бы описать жизнь в Иностранном легионе более подробно и всесторонне.

Полк выступил на маневры в 3 часа утра 11 мая. Определенной задачи никто не знал, кроме только офицерского состава. Первый переход делаем 26 км до 7 часов утра в направлении алжирской границы. Дальше не движемся, так как наступает жара. Привал. Расседываем коней, разбиваем палатки, кашевары готовят обед. Начинается полный хаос. Люди кричат, волнуются, бегают, в большинстве случаев, напрасно. Наконец, все сделано и все стихает, но это, главным образом, из-за жары.

Кое-где из палаток слышатся испуганные возгласы – это зовут фельдшера, так как кого-то укусил скорпион. Флегматичный фельдшер приходит, делает укол и идет в следующую палатку для той же операции. В мае укус скорпиона не смертелен, но довольно опасен. Вот поэтому-то и бывают маневры в этом месяце, так как уже в июле и августе укус скорпиона смертелен. В 10 час. 30 мин. – обед. После обеда – “отдых” до 3 часов. Во время этого отдыха каждый обязан вычистить все металлические части конского прибора, карабин, саблю. Все это должно блестеть. В 3 часа играют “подъем” и через десять минут во все стороны высылаются разъезды и патрули. Задача разъездов – разведка, съемка местности и, главным образом, розыск воды. В половине второго или в 2 часа ночи – опять поход. И так каждый день.

Помню, мы подходили к маслиновой роще и тут же рядом был небольшой апельсиновый сад. Мне сразу бросилось в глаза, что на верхушках деревьев что-то движется, скачет. Войдя почти в самую середину рощи, я и все мы не только увидели, но и испытали на себе “обезьяний налет”. На верхушках деревьев сидели самые настоящие живые обезьяны. В нас летели апельсины, палки маслины и прочее. В начале было очень забавно, но когда на мою голову посыпались маслины, то удовольствие было маленькое. Команда “Рысью!” - и через десять минут мы оставляем проклятую рощу.

Все маневры мы так и не знали, какая наша задача. Только уже на обратном пути, да и то, когда оставался всего один переход до Суса, командир эскадрона объявил нам, что наша задача выполнена блестяще и сведения о воде имеются точные. Фактически, маневров никаких не было, а была лишь “колонна”, то есть изучали местность и узнавали места, где есть вода. Такие походы страшно изнуряют не только нас, но и привычных лошадей.

После маневров, обыкновенно, дается двухдневный отдых. За это время мы должны привести себя и принадлежащие нам казенные вещи – так называемый “пактаж”²⁵, — в полный порядок. После отдыха всегда бывает смотр и проверка всего снаряжения. Не дай Бог, если у кого-нибудь чего-нибудь не достает: тот рискует попасть под военный суд, так как обвинят в продаже казенного имущества и никакие оправдания не помогут. Результат известен: тюрьма.

Проходит еще два - три дня и жизнь входит в нормальную колею. По окончании маневров бывает “съезд”, то есть ввиду сильной жары занятия производить днем невозможно, то дается с 11 часов утра и до 3-х свободное время, которое каждый может использовать, как хочет. По французскому уставу не полагается за время “съезда” выходить из помещения, за исключением неотложной нужды. Жара бывает такая, что достаточно выйти без шлема из помещения, как может случиться солнечный удар. А сирокко²⁶ – это ужасная мука не только для людей, но и таких чисто африканских животных, как верблюды. Горячий ветер с раскаленным песком наполняет весь воздух так, что совершенно невозможно дышать. Нередко воздух становился желтым и бываюи случаи, как и в тумане, что в десяти шагах ничего не видишь. “Съезд”, обыкновенно, продолжается три месяца. Это действительно отдых для легионера. Время свободного вполне достаточно; занятия непродолжительны и за это время так изленишься, что трудно после привыкать к повседневной службе.

В обыкновенное время после ужина в 6 часов вечера иногда пройдешься в город, но ненадолго, так как денег нет, а без денег в городе делать нечего. Немцы-легионеры, сравнительно, жили немного лучше, так как многие получали из дома деньги. Вообще же, жизнь протекала довольно однообразно: занятия, работа, караул, патруль за дезертирами и пьянство. Такая жизнь, безусловно, не могла отразиться хорошо на моральном состоянии людей, а потому, в большинстве случаев, под конец службы многие становились пьяницами и неврастениками.

В октябре до нас дошли слухи, что один из эскадронов должен идти на фронт в Марокко, так как рифляне²⁷ (марокканские арабы) наступали и основательно потрепали как испанцев, так и французов. Стали ходить легионерские слухи: каждый откуда-то имел “точные” сведения, какой эскадрон пойдет. Служащие по всевозможным бюро, в том числе посыльные и вестовые, ходили с важным таинственным видом, как будто бы зная все. Каждый говорил за свой эскадрон, иногда доходило до драки. В особенности, частые драки бывали между поляками и немцами. Это у них постоянная вражда. Но замечательно то, что как бы друг с другом не враждовали и не дрались в расположении картье²⁸ (казармы), но достаточно было выйти в город, как все забывалось, и один стоял за другого. Не дай Бог, если кто тронет легионера в городе! Хотя это не мешало, придя в казармы, под-

раться с тем, кого только что защищал. Нередко доходило и до поножовщины.

Наконец, в феврале 1925 г. стало известно, что на фронт выступает 3-й эскадрон под командой капитана Буржуа. Я был в 4-м эскадроне и, говоря откровенно, меня в Марокко мало тянуло. Хотелось в Сирию. В марте или апреле 3-й эскадрон выступил на фронт. До нас доходили слухи, что эскадрон участвовал в боях, понес большие потери, но точных сведений мы не имели. Наша же жизнь шла своим чередом: маневры, “съезды”, караулы, патрули и т.д.

В 1925 г. маневры были неинтересные и скучные. Была очень сильная жара. Стали ходить слухи: якобы еще один эскадрон должен выйти на фронт, но только в Сирию, где уже стрелки были в боях и понесли колоссальные потери с восставшими друзьями.²⁹ Но точно ничего не знали. Жили слухами. Каждому эскадрону хотелось ехать, и поэтому повторялись те же картинки, что и перед отправкой 3-го эскадрона. Правда, ожидания наши длились очень недолго и день выступления был уже известен. Выступал наш 4-й эскадрон под командой бездарного капитана Ландрю.

Дней за десять до отправки мне пришлось быть в карауле. Часа в 2 ночи в караульном помещении поднялся шум. Я в это время находился около ворот казармы, сменял часовых. Я моментально бросился к караульному помещению. В тот момент я подумал, что арабы хотели проникнуть к караульному помещению и обезоружить караул, тем более, такие попытки уже бывали. Но, подбежав ближе, я узнал от дежурного маршала, что “ничего особенного”: это просто скорпионы вышли из мастерской, оборудованной из части катакомбы, расположенной под всеми казармами, которым насчитывается около тысячи лет, и двинулись на огонь. Был роковой месяц июнь. Караул весь выскочил из помещения. Был вызван офицер, заведующий газами. Газовые баллоны были поставлены в двух комнатах караульного помещения, помещение запечатано и заклеено, и газовые баллоны были разбиты револьверными выстрелами. Таким образом помещение держали трое суток. Через три дня помещение открыли, но там не нашли ни одного скорпиона. Все ушли.

Вскоре после этого эскадрон наш вместе с лошадьми выступил. До Туниса шли походным порядком; в Тунисе погрузились на пароход, под звуки военного оркестра пароход снялся с якоря и мы тронулись. Весь эскадрон почти состоял из русских. Все

чему-то радовались, думая, что едут куда-то на веселье, но никому в голову не приходило, что он, может быть, будет убит или же искалечен. Да, много молодых жизней полегло в песках Сирии, но еще больше было искалеченных. Я лично радовался перемене места, обстановки и ожидал увидеть что-то сверхъестественное. Но, кроме ужасов войны и своего искалечения, ничего не увидел.

После восьмидневного пути мы прибыли в Бейрут.³⁰ Там ожидали нас высшие военные власти. После смотра весь эскадрон походным порядком пошел за город на приготовленный нам плацдарм для стоянки. Почти целую неделю мы ничего не делали кроме патрулирования по городу. После нас продвинули ближе к крепости Суйде, где мы несли сторожевое охранение, так как в крепости в течение трех месяцев находился французский батальон, окруженный друзами. Положение батальона было отчаянное. Продукты - хлеб, консервы и мороженое молоко - им бросали с самолета, хотя последнее почти никогда не долетало, а еще в воздухе таяло. Численность друзов, окружавших Сайду, была приблизительно около 6 – 8 тыс. И вот, нашему эскадрону при содействии французской колониальной пехоты был дан приказ атаковать друзов и освободить французов из крепости.

Наш эскадрон и один батальон пехоты вошли в турецкую деревню Муссей–Фрей по направлению к Суйде. Муссе–Фрей – небольшая деревня, скрытая от взора неприятеля. Но с такими силами мы не могли удержать деревни. Командир батальона расставил лично посты и мы ожидали только появления друзов. Первая стычка с ними произошла во время нашего разъезда; результат – четверо убитых и два или три раненых.

Целую ночь друзы готовились к наступлению. Со стороны неприятеля был слышен страшный шум и свист. На другой день вечером друзы бросились в атаку на пехоту. В рядах эскадрона началось движение. Друзы, видя нашу подготовку, пустились на хитрость и кричали по-французски: “Мы – легионеры, не стреляйте”. Зная заведомо, что здесь больше частей легиона нет, русский маршал Ткаченко, кубанский казак, принял командование эскадром, так как командира эскадрона, капитана Ландрио, я лично не видел во все время боя. Между прочим, Ткаченко вскоре был убит. Офицерский состав был перебит в начале боя. Французская пехота была окружена и почти вся уничтожена. Мы были в пешем строю, так как при начале боя лошади

наши, привязанные на общую веревку, при первых же выстрелах порвали ее и бежали без седоков вдоль линии неприятеля. Друзы как сумасшедшие неслись на нас и, казалось, вот-вот раздавят нас своей численностью, но, благодаря удачным залпам, мы остановили друзов и в их рядах началась паника. Воспользовавшись их смятением, мы бросились на них в атаку и, рассеяв ряды противника, ворвались в Сайду. Заперев за собой ворота крепости, мы увидели ужасную картину: по всем углам лежали истощенные французы. Многие не могли уже двигаться от истощения. Нас в крепости оказалось мало: больше 80 человек было убито и приблизительно столько же ранено.

На рассвете подошло подкрепление и друзы были разбиты. Они потеряли и оставили на поле боя больше тысячи убитых. Меня заинтересовала обстановка боя и я выглянул через стену. Я увидел бегущих друзов. Всевозможных цветов знамена развевались в их рядах. Смотрел я не больше одной минуты, как почувствовал, что меня что-то ударило в голову. Я упал. Я был ранен. Минуты через две-три я потерял сознание и, к сожалению, не мог видеть и участвовать в том, что было дальше.

В этот же вечер всех раненых отвезли в Бейрут. Разместив нас в лазарете, нам оказали первую помощь – сделали перевязку. В госпиталь пришел французский комендант – поздравлял всех... С чем?...

В Бейруте я пробыл шесть дней, в течение которых почти все время был без сознания. Я был ранен в затылочную часть головы и нуждался в операции, так как пуля осталась в голове. На седьмой день нас погрузили на миноносец и через Марсель отправили в Бизерту. На миноносце было великолепно: чудный уход, внимательное отношение со стороны начальства, вообще, чувствовали мы себя, как в хорошем госпитале в России в 1914 – 1915 гг. В Марселе нас навестили какие-то дамы, мы получили от них подарки и по 50 франков. В Марселе пробыли шесть часов и тронулись дальше в Бизерту. В Бизерте нас разместили в военном госпитале. На другой же день мне была сделана трепанация. Лечение и вообще мое пребывание в Бизерте ничем не ознаменовалось.

Пробыв там около четырех месяцев, я был переведен в Тунис, а оттуда в полк в Сусе. В Сусе я лежал в местном госпитале. В марте пришел ко мне один из русских офицеров и спросил, могу ли я завтра быть на параде, принимаемом французским маршалом Деспере. На параде в присутствии городских властей

и местных жителей участники боя должны были быть награждены лично маршалом Деспере орденом Croix de guerre³¹.

Я находился вторым с правого фланга. Наконец, приехал маршал. Он подошел к правофланговому, надел на него орден и спросил его, из какого места России он родом, семейное положение и сколько состоит на военной службе. Подъехав ко мне, он задал мне те же вопросы и спросил, знаю ли я свой подвиг. Я ответил, что особого подвига я за собой не чувствую и являюсь только участником боя и пострадавшим. “Этого достаточно”, – сказал он. Обойдя таким образом всех, он сказал несколько слов об этом “важном бое” и приказал производить парад. Парад он принимал лично. Пройдя церемониальным маршем, мы уехали в казармы, а оттуда я – в госпиталь. Пролежав в госпитале еще два месяца, до мая, я был выписан и опять попал в строй. Но ранение давало о себе знать и мне было тяжело служить в строю. Я стал проситься на комиссию. Ответ на мою просьбу был положительный, но затянулся до февраля 1927 г. Я был представлен на комиссию ровно за двадцать дней до окончания срока службы.

В марте я уехал в Саламбо (недалеко Туниса) на комиссию. Комиссия была поверхностная и доктора решили, что я к службе “не годен”, дав мне отставку и... 44 франка пенсии. Это было 20 марта, а 22-го кончалась моя служба. После комиссии я уехал в полк; в тот же день я получил штатский костюм “Клемансо” и на другой день уехал в Тунис, чтобы там погрузиться на паром и навсегда покинуть “милую” Африку.

Путь от Туниса до Марселя занял около сорока часов. По приезде в Марсель я в том же самом порту Сан-Жан, где был шесть лет тому назад, получил документы и... 16 франков на дорогу до Парижа, ну и, конечно, бесплатный билет.

Все, мною пережитое за это время, настолько озлобило меня против французов, что я решил ни в коем случае не оставаться во Франции, а уехать. Этим я заканчиваю мои воспоминания, но впоследствии я, безусловно, более подробно изложу все факты и переживания, которые выпали на мою долю в бытность во французском Иностранном легионе.

¹ Слободской А. Слободской А. Среди эмиграции. Харьков, 1925, С.119

² ГАРФ, ф.5826, оп.1, д. 7 (1), л. 105.

³ ГАРФ, ф. 5809, оп. 1. Д. 44, л. 153.

-
- ⁴ Келин Н.А. Казачья исповедь. М., 1996, с. 80.
- ⁵ ГАРФ, ф. 6461, оп. 1, д. 11, л.69.
- ⁶ Российская эмиграция в Турции... Указ. соч. с. 15.
- ⁷ Последние новости. Париж, № 549, 1922.
- ⁸ Последние новости. Париж, № 342, 1921.
- ⁹ Назаров М. Миссия русской эмиграции. М., 1994, т. 1, с. 27.
- ¹⁰ ГАРФ, ф. 6461, оп. 1, д. 164, л. 6.
- ¹¹ Там же, л. 10.
- ¹² ГАРФ, ф. 6461, оп. 1, д. 164, л. 3.
- ¹³ Prison (фр. *военн.*) – гауптвахта.
- ¹⁴ Сахара (от арабского “сахра” – пустыня) - пустыня в Северной Африке, крупнейшая их тропических пустынь, расположена в пределах южных областей Марокко, Туниса, большей части Алжира, Мавритании. Ливии, Египта, северных областей Мали, Нигера, Чада и Судана.
- ¹⁵ Триполитания (от греч. tri–, в сложных словах – три и polis – город) - историческая область в Ливии. В ходе итало–турецкой войны 1911 – 1912 гг. Триполитания была частично оккупирована итальянскими войсками (вся территория Триполитании была оккупирована к концу 20–х гг.).
- ¹⁶ Так в тексте. Вероятно, имеется в виду casquette (фр.) – военная фуражка.
- ¹⁷ Речь идет, вероятно, о сером варане (зем-земе). Вараны – крупные ящерицы; питаются ящерицами, змеями, мелкими млекопитающими, разоряют гнезда птиц. Яйцекладущие. Мясо съедобно. Кожа использовалась для изготовления обуви и других изделий.
- ¹⁸ Так в тексте. Вероятно, имеется в виду обычная для Сахары температура немногим более 50 градусов по термометру Цельсия (возможно, ошибка автора явилась результатом неправильного перевода градусов по термометру Цельсия в градусы по термометру Реомюра, который применялся в России в начале XX в.).
- ¹⁹ Legumes (фр.) – овощи.
- ²⁰ Marechal des logis (фр. *военн.*) – сержант, старший сержант.
- ²¹ Гумы – арабы, несшие службу во французской полевой жандармерии.
- ²² Триполи (Тарабулус-эш-Шам) - город и порт в Ливане.
- * “О, да он слабый!” (Более точный перевод с французского: “О, да он измучен!” - С.И.)
- * “Смирно!” (фр.)
- ²³ Так в тексте. Команда “Смирно!” по-французски – “Fixe!”.
- ** Прямо (фр.)
- ²⁴ Santine (фр. *военн.*) – столовая.
- ²⁵ Raquetage (фр. *военн.*) – снаряжение.
- ²⁶ Сирокко (итал. scirocco, от арабского “шарк” – восток) – сильный теплый ветер, южный или юго-восточный, главным образом, в бассейне Средиземного моря, дующий из глубинных районов пустынь Северной Африки и Аравийского полуострова.

²⁷ Рифляне (риффы) - берберский народ, населяющий горную область Риф в Северном Марокко. Рифская республика (Республика Риф) - государство в Марокко (1921 – 1926 гг.), созданное в ходе национально-освободительной борьбы рифских племен Марокко; представляла собой военно-политическое объединение племен горной области Риф (Северное Марокко). Рифская республика длительное время боролась с испанскими и французскими войсками, но под их объединенным натиском 27 мая 1926 г. прекратила существование.

²⁸ Quartier (фр. *воен.*) – казарма.

²⁹ Друзы (аль-муваххидун; самоназвание – “исповедующие единство Божие”) - этноконфессиональная группа арабов в Ливане, Сирии, Израиле, Иордании. Община друзов сложилась в горах Антиливана и Ливана. В начале XVIII в. часть друзов переселилась в Западную Сирию. Согласно учению друзов, души умерших друзов переселяются в тела рождающихся, а так как число душ постоянно, прием новых членов в общину невозможно. Друзы участвовали в выступлениях против османских властей, боролись за отмену французского мандата над Сирией и Ливаном в рядах ливанских национально-патриотических сил. Главное занятие друзов – сельское хозяйство, меньше торговля и ремесла. Одежда – длиннополые темные одеяния, белые тюрбаны и платки.

³⁰ Бейрут – крупный порт на Восточном побережье Средиземноморья; в 1920 – 1943 гг. – административный центр подмандатного Франции Ливана, с 1943 г. – столица независимого Ливана.

³¹ Крест “За боевые заслуги”.